

КРОКОДИЛ

№ 15 • МАЙ 1975

ПРИРОДОЛЮБЫ

Рисунок И. СЫЧЕВА

«В один, как говорится, прекрасный день из нашего учрежденческого буфета исчезли рыбные блюда. Буфетчица объяснила: так приказал начальник управления. Нам непонятно, имеет ли он на это право...»

(Из письма в редакцию).

АРГУМЕНТ БУЛЬДОЗЕРА

А что тут непонятного? Все ясно. Кабинет начальника управления расположен по соседству с буфетом, а хозяин кабинета терпеть не может запаха жареной рыбы. Он его с детства не переносит. Вот и запретил. Пусть сотрудники учреждения скажут спасибо, что буфет вообще еще работает. А то ведь в один, как пишут авторы письма, прекрасный день они могут обнаружить его прекрасное отсутствие. Кстати, будут закрыты и некоторые другие помещения на данном этаже, поскольку у начальника обостренное обоняние..

О подобном мелком факте можно было бы не распространяться, если бы он не стоял в ряду схожих фактов. Схожих если не по масштабу, то по манере исполнения, по своей сути.

...Спозаранок, торопясь на работу, автомобилист подошел к воротам своего гаража и вдруг с волнением обнаружил, что последние подверглись нападению. Похоже, здесь орудовали хулиганы: кто-то пробил ломом зияющую дыру величиной с кулак.

Увы, предположение не подтвердилось, хулиганы были ни при чем. Дыры пробили, так сказать, в официальном порядке, по указанию начальника жилищной конторы. Данному руководителю необходимо было удостовериться, стоят ли в гаражах машины, а если стоят, то каковы их номера. Дело в том, что он собирался просить райисполком о сносе этих гаражей.

Глядя на оскорбленных гаражевладельцев глазами, полными административного восторга, начальник жилконторы высказал такую глубокую мысль:

— Не буду же я бегать за каждым!

Это было логично. Бегать за каждым начальнику ЖЭКа № 3 Бабушкинского района города Москвы В. П. Яковлеву не пристало. Наводить порядок с помощью лома гораздо легче. По силе убеждения лом котируется довольно высоко, уступая лишь бульдозеру.

Вы когда-нибудь пробовали разговаривать с бульдозером?

И не пытайтесь. Он вас переспорит. У бульдозера бульдожья хватка и стальная невозмутимость. В городе Пушкино, Московской области, бульдозер одержал сокрушительную победу.

В этом городе у гражданина З. была дача. Никаких сомнений в законности ее существования не возникало. Гражданин З. исправно платил арендную плату, а также оплачивал свет и газ.

И вот в один опять-таки прекрасный день владелец дачи обнаруживает полное ее отсутствие. Точнее, неполное. Бывшая дача стала грудой развалин, и над этой грудой в победной позе возвышался бульдозер.

Не будем приводить здесь слова гражданина З., приведем лишь ответ бульдозера. Бульдозер сообщил, что по данному участку будет проходить трасса водопровода, который пролагается в интересах таких же граждан, как З., а потому странно слушать его возмущение. Ах, почему не предупредили? А мы не обязаны за каждым бегать, и вообще нам, строителям, некогда, у нас план. Ах, там погибли ценные домашние вещи? Обращайтесь в суд, гражданин.

Возложив таким образом onus probandi (что в переводе с латыни значит бремя доказывания) на хрупкие плечи частного лица, бульдозер, грозно урча, удалился.

Не будем смотреть мрачно: вполне возможно, что потерпевший добьется своего и со счета СУ-102 Мосжилстроя будут сняты соответствующие суммы в пользу истца. Истец в какой-то степени удовлетворится, но что будет от этого бульдозеру? И как реагирует на это начальник СУ В. Я. Широких?

С бульдозером не поспоришь и его не упросишь быть человеком. Бульдозер лезет напролом там, где полагается сначала подумать. Но ведь в конце концов лом не действует сам по себе, а бульдозером управляет человек, такой же, как мы с вами. И так же, как нам с вами, ему не позволены самоуправство и произвол.

Фельетонист

Андрей КАРАСЕВ, Сергей РЕВЗИН

Сперва и потом

В конце квартала — штурм, а не работа,
Ведь план горит. Скандал, аврал, цейтнот!
Но в главк приходят бодрые отчеты:
«Все хорошо — завод внедряет НОТ».
Внедряют НОТ, да только нету прока,
Хоть и ребенку ясно, в чем беда,—
Решают на заводе однобоко
Вопрос организации труда.
В цехах звучат мелодии Шопена,
И пальмы в кадках около станков,
И голубые, словно небо, стены,
И шторы цвета летних облаков.
А в тех цехах, не торопясь, понуро
Маячит только несколько фигур.
У остальных, как будто на смех курам,
Час на работу — час на перекур.
Здесь говорят о качестве, однако
Его не добивается никто,
Упрямо вверх ползет кривая брака,
Ползет, ну что поделаешь! Зато
В цехах звучат мелодии Шопена,
И пальмы в кадках около станков,
И голубые, словно небо, стены,
И шторы цвета летних облаков.
Мы факты расписали, как по нотам,
И подведем итоги без длиннот:
Сперва возьмитесь просто за работу —
Потом внедряйте на здоровье НОТ.
И пусть звучат мелодии Шопена,
Пусть будут пальмы около станков,
И голубые, словно небо, стены,
А также шторы цвета облаков.

ЧУДО НА ЭНСКОМ ОЗЕРЕ

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

...А БОЛЬНО— НИКОМУ

Р. КИРЕЕВ, специальный корреспондент Крокодила

— А не морочьте-ка голову! — скажет читатель автору, который дерзнет начать фельетон словами: «Вот на космическом корабле...» — Вы что? — прищуренно спросит он.— Совершали витки по эллиптической орбите?

Как на духу: не совершал. Но для затравки так и подмывает меня сравнить предмет моего исследования с космическим кораблем. На корабле, который шастает по орбите, совсем нет тайн от следящей за ним Земли. Опутанный приборами, беспрестанно дает он знать о состоянии своего здоровья. Чуть что, и вздрогнут и на красное поползут стрелки...

Сугубо наземный завод по изготовлению жестяных шкафов для баллонов со сжиженным газом или, если угодно, механизмов для подрезки газонов, осыпан приборами не менее летящего по орбите аппарата. Вдавившись честными локтями в столы, строчат люди планового отдела данные о том и об этом. Нормы, сметы, задания... Сменные, суточные, месячные... Плановая себестоимость и фактическая себестоимость... Вал, реализация, доход... Средства основные и средства оборотные... Сальдо, дебет... Рядом с людьми из планового в спартанском режиме вкалывает бухгалтерия. А еще нормировщики, а еще учетчики, табельщики плюс кузнец пятого разряда Вера Попова, которая кузнецом лишь числится, кует же отчетность.

Теперь вы видите, что не беспочвенно сравнивает автор с космическим кораблем заводик по изготовлению механизмов для подрезки газонов или, например, моечных машин. Чем, как не датчиками, снимающими данные, являются все эти люди из планового, бухгалтеры, нормировщики плюс кузнец Вера Попова? Стало быть, не уступает наземное предприятие орбитальному аппарату — по числу датчиков, во всяком случае. Стало быть, случись на предприятии отклонение от нормы—не вздрогнут, а занеистовствуют стрелки, не шмелем, а изюбром затрубит звуковой сигнал, не замигают лампочки, а вспыхнут, подобно сверхновой звезде «Белый карлик». Но все это метафоры. Сдвинув их на край стола, заговорим жесткой прозой.

Сугубо наземный завод по изготовлению жестяных шкафов в течение нескольких лет стойко держал под открытым небом дорогостоящие котлы отопления. Небо знает свое дело. Небо работает. Благополучно доконало оно всю сопутствующую котлам арматуру — и экранные трубы и кипятильные пучки. Когда же грянул, наконец, час омоложения котельной, все это пришлось покупать заново. Не одна тысяча рублей вышла таким образом в открытый космос, назад не вернувшись. Это ли вам не пробоина в борту? Это ли не авария? Однако даже не шелохнулась стрелка. Лампочки не замигали. Как принято говорить в подобных случаях, «все системы корабля функционируют нормально».

...Слепив очередной механизм для подрезки газонов, сказали руководители предприятия: баста! Век коммуникаций стоит на дворе, у нас же телефон с малой придурью. Посему будем телефонизироваться! И, выразившись так, приобрели кабеля на шесть тысяч рублей. А уже приобретя, выяснили, что недостает для телефонизации трех вещей:

1. Проекта.
2. Условий.
3. Надобности.

Недостает — ну и недостает. Подальше — с глаз долой! — откатили катушки с кабелем, и, как принято говорить в подобных случаях, «полет успешно продолжается». Полный ажур, человек у пульта брови не сдвинул, тринадцатая зарплата выдана сполна.

...Еще, помните, упоминали мы моечные машины. Готовые, одна за одной выстраиваются они недалеко от здания, которое вот уже десять лет сквозит на территории завода пустыми окнами. Вы полагаете, оно слишком старое? Напротив, оно совсем юно, и если назвать его возраст, то выразится он числом отрицательным: здание еще окончательно не родилось.

Ветераны предприятия помнят, что когда-то замысливался здесь термитный цех. Заложили фундамент, возвели первый этаж, второй, начали крышу, а потом ушли, не оборачиваясь. Спустя некоторое время в несостоявшийся цех сунули бочки с химикатом мономером — на три с половиной тысячи рублей. Теперь уже мало кто знает, почему их сюда сунули, еще меньше — что это такое, и уж почти никто — зачем это дорогостоящее чудо приобретено заводом. Аварийная ситуация? Но кораблю, судя по приборам, хоть бы хны, его даже не качнуло. Резво набегают, что ни месяц, премиальные.

И без того громоздка система слежения и оповещения, и вовсе не ратует автор за то, чтобы прибавить еще пару бумаг, или пару граф, или одного кузнеца Веру Попову. Просто скромно недоумевает автор: кувалдой бесхозяйственности бухают по организму изо всей мочи, а больно — никому. Как так?

Читатель покривится.

— Понадергали фактов и делаете из них погоду. Вот если б все это случилось на одном предприятии и оно тем не менее процветало...

А это и случилось на одном. На том самом, где изготовляют жестяные шкафчики для балонного газа, и механизмы для подрезки газонов, и моечные машины, и еще многое другое — в том числе запчасти для трамвайно-троллейбусного хозяйства, поскольку именуется предприятие «Трамвайзапчасть».

Загубленные котлы, таинственный мономер, недостроенный цех, катушки кабеля на свалке — это все здесь. Прибавьте сюда компрессор, за который отвалено без малого две тысячи рублей и который стоит, раскуроченный, без дела, прибавьте ржавеющие гиганты-вентиляторы, прибавьте водопровод, для которого вырыли траншею, но она завалилась, и тогда трубы пустили поверху; прибавьте россыпи ферромарганца в пыли...

Сколько пробоин, но ни один датчик не забил тревоги. Тринадцатая зарплата — это тут, текущее премирование это тут, и даже—вы не поверите!— переходящее Красное Знамя за экономию и бережливость — это тоже тут.

Прибавьте сюда добротный директорский фонд, прибавьте два небольших катера, которые завод без потуг приобрел, хотя до воды полтора десятка километров. Второй год каботажничают катера на складе... Прибавьте, и вы поймете, с какой жадностью впился я глазами в директора завода Овчарова.

— Дмитрий Васильевич! — произнес я, благоговея. — Как вам удается все это?

— А что? — удивился директор.—Чудес мы не делаем. Шкафчики в основном.

В смятении спустился я вниз к начальнику планового отдела Л. Г. Сакович.

— Какие мелочи! — поморщилась Людмила Григорьевна. — Вы знаете, сколько продукции производим мы за год? Почти на пять с половиной миллионов рублей. Что по сравнению с этим какие-то десятки тысяч? Не они волнуют нас. Газонные механизмы в основном.

В смятении поднялся я наверх — в бухгалтерию. Каюсь: я нехорошо заподозрил, что все эти хозяйственные аттракционы не нашли в документах своего зеркального отражения.

— Ну что вы! — возмутилась бухгалтерия.— Мы такими делами не занимаемся. Моечными машинами в основном.

И тут я понял, почему не вздрагивают и не ползут на красное стрелки, почему лампочки не мигают, почему не гудит, взывая к бдительности, звуковой сторож. Коль скоро выполняет предприятие план, то все, что ни происходит на его территории,— норма.

Такова традиция? Или такова система датчиков? Не знаю... Но теперь-то вы убедились, читатель, что автор имел право начать данное исследование словами: вот на космическом корабле совсем нет тайн от следящей за ним Земли — в отличие, скажем... Дальше вы знаете.

Новомосковский район, Тульской обл.

Леонид ЛИХОДЕЕВ

Исповедь

ЧЕЛОВЕК КОТОРЫЙ НЕ ПЬЕТ

Мы ехали в общую командировку. Пять человек из одного учреждения.

А билеты нам выпали так, что трое оказались в одном купе, а двое — в другом. Неудачно.

В том купе, где ехали трое, был чужой. Он лежал на верхнем диване и читал.

Едва поезд тронулся, мы уже были готовы к беседе и постановили собраться там, где трое, взяв за основу большинство.

Открыли портфели, поставили на столик, что у кого было, и говорим этому чужому:

— Спускайтесь к нам.

А он посмотрел сверху на столик и вдруг говорит:

— Я не пью.

Человек, который не пьет,— опасный человек. Но конечно, он не в том смысле опасный, что может сделать какой-нибудь нежелательный выпад или унизить человеческое достоинство выпивающих. Он опасен тем, что как бы возвышается над всеми своей трезвостью.

Человек, который не пьет, наносит оскорбление самим фактом своего присутствия и вызывает различные малодружественные мнения.

Черт его знает, чего он не пьет!..

Хорошо еще, если у него гастрит или чего похуже. Это, конечно, уважительная причина, хотя ради дружбы и взаимопонимания можно *ею* временно пренебречь.

А может быть, в нем антабус. Жена его накачала антабусом в надежде, что он не вытерпит, примет банку и попадет на два месяца в больницу, каковой факт принесет длительный покой семье.

Или, может быть, в нем зашита пружина, как в матраце. Теперь имеется новое медицинское направление, основанное на законе сохранения энергии: зашивать в пузо пружину. В сжатом состоянии. Чтобы она, разжимаясь, отталкивала от организма алкоголь.

Впрочем, все это — догадки.

А пока эти догадки происходят, он лежит на верхней полке и читает.

А мы — внизу. Все пятеро.

А он висит над нами.

Сказать, что он брезгует, тоже нельзя. По всему видать, чувак он интеллигентный, как и мы, и книга у него. Агата Кристи.

И у нас внизу не разговор, а лепет.

Мы начинаем перед ним пресмыкаться — аж противно:

— Может быть, вы больше к бренди привыкли? Так мы имеем данный напиток...

— Я,— говорит,— бренди не терплю. Лучше нашей белой ничего на свете нет.

Ну, мы просто загудели от радости:

— Сразу видно, свой в доску! Слезай, друг!

А он опять:

— Извините, не пью.

— Ну, по маленькой!

— Ни по какой.

— А говоришь, наша белая — лучшая в мире...

Он молчит. А мы заходим по новой:

— Вам Агата Кристи нравится?

— Нравится.

— И нам нравится! Молодец! Слезай к нам, мы тебе Сименона дадим почитать.

А он — ни мур-мур.

И чувствуем мы, нет нам никакого спасения, и поперек горла нам эта самая лучшая в мире, пока он над нами возвышается.

Мы разговариваем:

— Пить, конечно, лучше в коллективе. Потому что в одиночку человек спивается. Статистика всех стран говорит, что алкаши — жертвы одиночества... Недавно статья была — берегите мужчин, не давайте им пить в одиночку...

Он молчит.

А мы опять разговариваем:

— Хорошо так вот собираться иногда... Чувствовать локоть. Закусывая, конечно...

Ну, словом, уже разговора нет. Сколько мечтали об этой командировке, и надо же, как не повезло...

Вышли мы в коридор — уперлись лбами в окна, молчим.

И тут открывается дверь того купе, где наши двое, и оттуда парень — как мы его раньше не заметили: ладный, готовый к беседе, ну просто родной.

— Что вы,— говорит,— толчетесь в коридоре, как бараны сверхплановые? Что вы,— говорит,— не знаете, что время — невозвратимая материя? Или, может быть, вы идеалисты?

Упаси бог! Какие там идеалисты!

— Мы,— говорит,— с дружком удивляемся, что вы наших соседей забрали. Ни им, ни нам! Идите сюда — места хватит!

Тут мы сразу ожили. Кинулись в купе, где трое, и все, что было, перенесли в купе, где двое. В этих вопросах не всегда нужно ориентироваться на большинство.

А этот так и остался читать на верхней полке. Плевать на него! Не пьет — не надо!

И, начисто вычеркнув его из памяти, мы начинаем отвлеченную беседу с нашими новыми друзьями. Мы говорим о погоде, о производственных успехах, и кто есть кто по специальности. Куда, значит, кто едет и чем кто занимается. Смело так беседуем. И закусываем. Поговорим-поговорим — закусим. Все культурно.

А он там один.

И из головы не лезет.

— Слушай, ты когда со стола брал, он — ничего?

— Вроде — ничего... Зыркнул так, и опять в книжку...

— И — ничего?

— Да нет... Так вроде бы улыбнулся... Но не сильно...

— Не сильно... А чего ему сильно улыбаться?

Эти двое наших корешей — не помним фамилии — спрашивают:

— Вы про кого?

— Да про того, который не пьет...

— Ну и хрен с ним! Нас семеро, а он один! Забудь!

Но не лезет он у нас из головы. Пустяк вроде, а не лезет!

— Ну,— говорим,— допустим, он на нас телегу спроворит, допустим, он из того ведомства, куда мы едем в командировку...

— Никакую телегу он не спроворит. Он ленивый...

— А если и напишет, нас же большинство, неужели не отбрешемся?

И нет нам покоя.

— За что, друзья, он к нам прицепился? Что мы ему сделали?

— Ссадить его на ближайшей станции! Верно я говорю?

— Чтоб ему, гаду, век коллектива не видать! Чтоб ему ни дна, ни покрышки, ни премиалки, ни прогрессивки!

— А чего ты лаешься! Что он тебе сделал?

— Ничего он мне не сделал! Лучше бы он подверг меня острой критике на производственную тему! Лучше бы он мне честно в рожу плюнул! Мне бы понятно было — что к чему! А теперь мне непонятно! Не-по-нят-но! Тно! Понял?

— Мужики, мужики! Тихо! Он же, жаба, подслушивает!..

— Колеса стучат — не услышит...

Тут мы все-таки замолчали. На всякий случай.

И вдруг кто-то опять в философию полез:

— Это же надо, куда прогресс шагнул! Раньше, бывало, все от пьяного шарахались, а теперь — все от трезвого!

Тут один из нас говорит:

— Пойду взгляну, как он там...

Он вышел, а мы ждем результатов. Действительно, как себя ведет человек, который не пьет? Интересно все-таки.

Наш поглядел, вернулся, докладывает:

— Спит. Отдыхает...

Отдыхает, зараза, нашел время! А у нас кошки на душе. Черт ее знает, непьющую душу! Может, она состоит из сплошной совести... Может, ей мало своих грехов, так она еще и за чужие мучается... Ох, братцы, нехорошо... Мы здесь предаемся предосудительным действиям, ведущим к снижению интеллекта, а она, чистая, непьющая душа то есть, может быть, даже и во сне страдает!

И такое у нас страдание и раскаянье — высказать невозможно. Слезы и только.

Вдруг один из нас носом прошмыгался и говорит:

— Непьющий человек все равно пьет. Но пьет как бы для себя. А мы пьем, как план выполняем в последний день квартала!

И так нам стало стыдно, братцы, за свое нравственное несовершенство, за погубленное время, за выброшенные деньги, на которые каждый уже мог бы построить детский сад для своего родного села.

Сорвали мы головки, по новой разлили и стали обсуждать, кем бы мы были, если бы не эта неблаговидная привычка. Кем бы мы были, граждане, если б не трескали водку? Чего бы мы достигли в жизни? Страшно подумать, голова кружится!

И от этих благородных мечтаний на душе у нас просветлело. И чистые слезы раскаяния осолонили наши одухотворенные лица, капая на закусь.

Потому что человек, который не пьет, разрывает нам душу своим нравственным совершенством.

И хочется нам всем брать с него пример, аж душа болит.

И если бы у нас, ребята, хватило духу этот пример взять — цены бы нам не было...

ВИЛЫ В БОК!

«Вечерний» звон

Может, для кого выход в ресторан — целое событие. Но только не для живущих в доме № 100 2-го Норсского жилмассива Еревана. «Вечерний» ресторан у них всегда на дому, вернее, в самом доме. Точнее, на первом этаже.

Может, кто и наслаждается ресторанным кейфом. Но только не живущие в доме № 100. Посетителям «Вечернего» достаются «корешки», а жильцам — «вершки». В виде стойких кухонных миазмов. Шума холодильников, нахальных грызунов и вездесущих тараканов. А также звучных вариаций ресторанной музыки.

Может, кто и промолчал бы. Но только не люди из дома № 100. Они жаловались в санэпидстанцию Советского района. Мол, нельзя жить в вечном вечернем празднике. Спасите! Или жилой дом — или шашлык с оркестром...

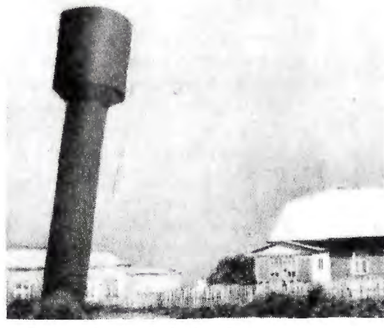
Может, кто и не ответил бы. Но только не главврач Р. Адамян. Мы поручили, ответил он, ресторану работать лишь до 23.00. Исправить холодильники и «изолировать их по возможности». Постоянно использовать вентиляцию. И категорически запретить музыку.

Может, другой ресторан и ничего бы не выполнил. Но только не «Вечерний». Умолк его оркестр! А до всего остального руки не дошли.

Может, кто и успокоился бы на этом. Но только не жильцы дома № 100: технический шум слышней без музыки, запахи ползут бесшумно, а грызунам и насекомым вообще наплевать — звучит фокстрот или нет...

Э. Э.

Восьмое чудо света

Не думали и не гадали средневековые зодчие Гвильельмус и Бонаннус, что через 800 лет в далеком селе Казаки под Ельцом у них объявятся талантливые последователи — подражатели их «падающего» стиля.

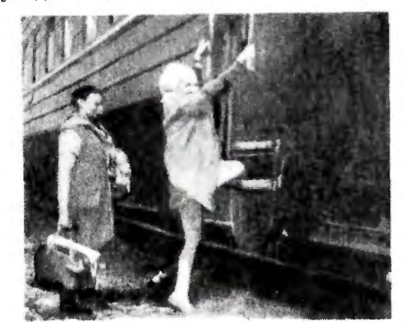
Неважно, что знаменитая пизанская башня предназначалась для культовых целей, а казацкая — всего-навсего для водонапорных. Обе башни роднит одно существенное обстоятельство: первая отклонена от вертикали на пять метров, вторая — на целых семь. Так что казацкая «падающая» в некотором роде даже знаменитее.

Мих. ГЛАЗКОВ.

Мода, мода...

Откуда пошла мода на женские брюки? Что бы там ни говорили, мы утверждаем, что законодателями ее являются работники Сосногорского отделения Северной железной дороги.

Да вы и сами можете легко в этом убедиться, взглянув на снимок.

Как видите, женщины могут изящно и быстро взобраться в вагон только при наличии брюк.

Создали железнодорожники эту моду очень просто. Четыре года назад, ремонтируя пути, они подняли железнодорожное полотно, а платформу на станции Вис (Коми АССР) построить забыли...

В. СИНЦОВА.

— Нахал, однако, этот Сидоров! Отпросился навестить больную тетку, а сам сидит на стадионе!

Рисунок В. ШКАРБАНА

Издательством «Советский писатель» выпущен сборник сатирических рассказов под названием «Душевная травма». Автор сборника — известный писатель-сатирик Леонид ЛЕНЧ.

Книга состоит из двух частей: первая — описание событий наших дней, вторая — рассказы о первых послереволюционных годах. Книга написана с добрым и мягким юмором, присущим писателю.

Сначала был созван семинар. В первый день художники-карикатуристы Германской Демократической Республики заслушали компетентный реферат по экономическим проблемам и приняли участие в последовавшей затем дискуссии.

На следующий день полномочный представитель Крокодила художник Лев Самойлов, вылетевший в Берлин по приглашению Союза художников ГДР и журнала «Ойленшпигель», рассказал немецким товарищам об истоках и традициях советской сатирической графики.

А потом открылась выставка карикатур.

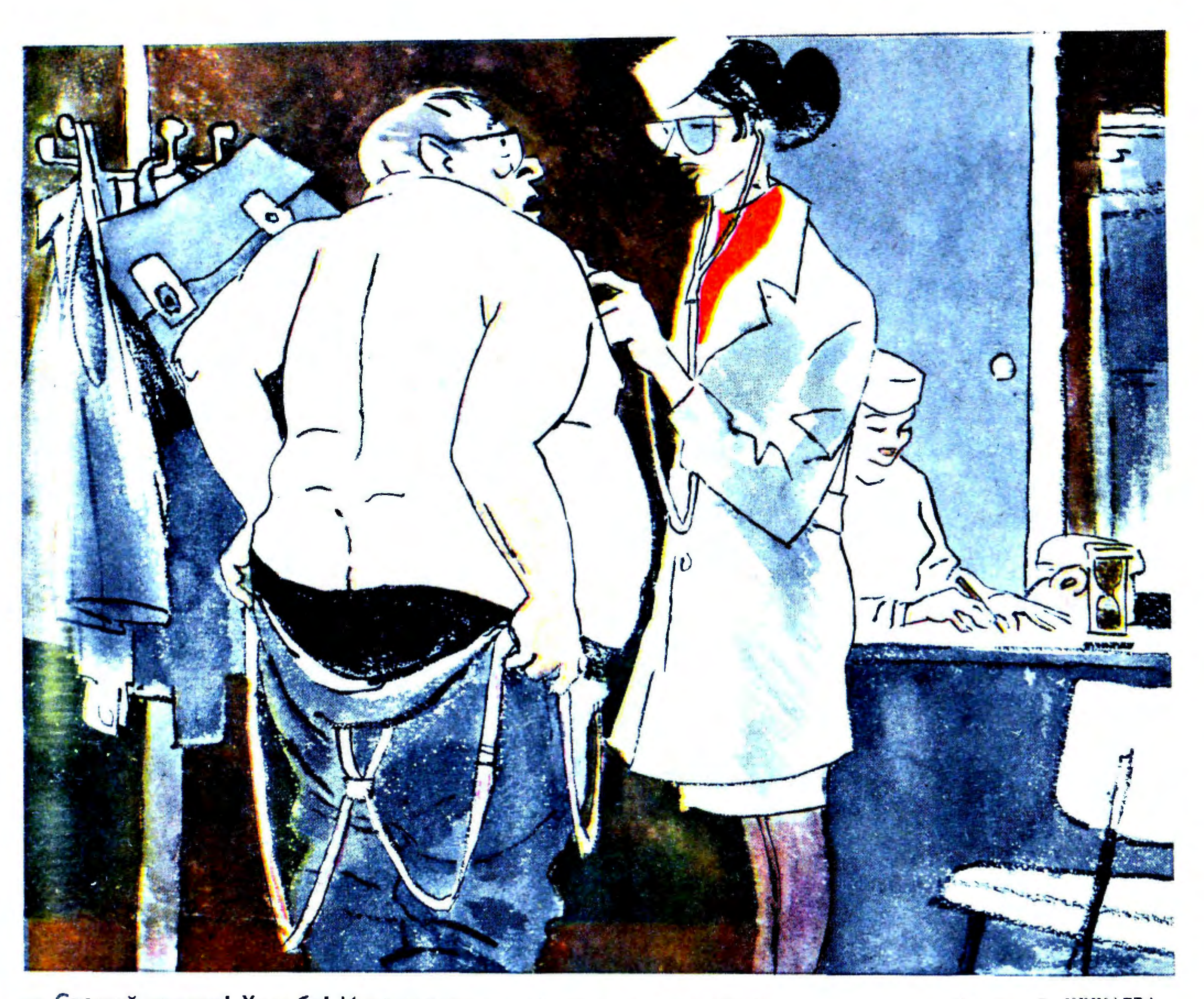
Экспонировались не только рисунки. Некоторые авторы, не довольствуясь испытанными средствами — карандашом, кистью, бумагой,— выставили всякие диковинные поделки: пробочник, ручка которого утыкана колючками, для тех, кто слишком увлекается откупоркой бутылок; молоток с оптическим прицелом для тех, кто не привык им орудовать и все больше попадает по пальцам; телефонная трубка с часами (тоже понятно!), и так далее.

В киевском издательстве «Радянська Украина» вышел сборник литературных пародий и сатирических миниатюр молодого украинского литератора Андрея КРЫЖАНОВСКОГО «Бабка из Копенгагена».

Иронические рассказы и юморески составили новую книжку Николая ЕЛИНА и Владимира КАШАЕВА «Заглянуть в душу», которая напечатана издательством «Советская Россия».

Этот «необыкновенный концерт» идет каких-нибудь полтора-два часа. Здесь можно услышать певца, обреченного на успех, куплетистов — мастеров дуэта и буфета, оперную Джульетту пенсионного возраста, похожие как две капли воды вокально-инструментальные ансамбли «Бесцветные гитары» и просто обывателя, которому милее всего «кладбище, где все спокойненько и закусочка на бугорке»...

Словом, если вам удастся посмотреть кукольный спектакль-обозрение «Смеяться, право, не грешно...», вы отдадите должное точности сатирического прицела автора пародий заслуженного артиста РСФСР Михаила Ножкина, исполнителям — известным кукольникам, заслуженным артистам РСФСР — Наталье Степановой и Игорю Дивову, и «человеку-оркестру» — аккомпаниатору Юрию Григорьеву.

— Свежий воздух! Ходьба! И воздержание от участия в ревизиях...

Рисунок Е. ШУКАЕВА

ЖАМИДИН

Ахмет и обед

Однажды в столовой
Обедал Ахмет,
А рядом Мамед
Доедал свой обед,
А рядом с Мамедом
Во время обеда
Стоял чемоданчик
У ступа Ахмета,
А в тот чемоданчик
Уложен Ахметом
Был старый халат
С постаревшим
бешметом,
А рядом с бешметом
Лежало белье —
Все старое было,
А все же свое...
Ахмет чемоданчик свой
Взором ласкал,
И взгляда с Мамеда
Ахмет не спускал...
«Волнуется, видно,—
Подумал Мамед,—
Хотя и причин
Для волнения нет...»
И, чтоб успокоить
Того чудака,
Он взял и свой стул
Отодвинул слегка...
«Понятно,— подумал
С опаской Ахмет,—
Попался мне
Очень нечестный сосед—
И взгляд вороватый,
И складки у скул,
И разве он зря
Отодвинул свой стул!!

С таким только встреться
На горной тропе!..»
И он чемоданчик
Подвинул к себе...
От этого жеста
Смутился Мамед
И дальше свой стул
Отодвинул в ответ...
Увидев воочью
Нахальство такое,
Ахмет поперхнулся
Остывшей едою.

«Вот это ворюга!
Вот это стервец! —
Подумал Ахмет.—
Говорил мне отец:
Не бойся огня
И не бойся коня,
А бойся соседей своих,
Как огня!..
Не зря отодвинул
Свой стул он опять —
Так легче ему
Чемоданчик хватать...»

Подумал такое
Ахмет о враге
И свой чемоданчик
Подвинул к ноге...
Мамед покраснел,
Кончил пить он и есть,
На стул на соседний
Хотел пересесть,
Но только привстал он,
Как взвился Ахмет!
Схватил чемоданчик
И, бросив обед,
Пустился бежать
От стола наутек —
Докуда он мог
И покуда он мог...
Потом отдышался
И стал рассуждать:
«Чего это вдруг
Я пустился бежать!
Бежать со своим
Чемоданом — позор!..
А ежели вправду
Сосед этот — вор!!
Недаром он начал
Со стула вставать...
Такому нельзя
И секунды давать!»
И пусть без обеда
Остался Ахмет,
Родной чемоданчик
Спасен был от бед...

Перевел с лезгинского
Андрей ВНУКОВ.

Л. ВИНОГРАДСКАЯ,
Э. ПОЛЯНСКИЙ,
специальные корреспонденты Крокодила

ТРИ ЗНАТНЫЕ ДАМЫ

Вот троица из поселка Годылево: заведующая столовой № 1 ОРСа Могилевского леспромхоза С. Т. Ломако, буфетчица П. И. Шалаева, повар Л. М. Мельникова.

Чем в основном занимается на своих рабочих местах большинство заведующих столовыми, буфетчиц, поваров? Ответ режет ухо своей обыденностью. Первые, как вы догадываетесь, руководят столовой в целом, вторые, стоя за прилавком, охватывают массы холодными закусками и разливным пивом, третьи варят борщи и поджаривают котлеты.

Наши героини свои обязанности и права понимали шире. Они видели в себе счастливых избранниц судьбы. Они вели себя в рабочей столовой так, словно находились в королевском дворце, привилегированным обитателям которого все дозволено. Надо думать, изъяснялись они тоже не как все смертные, а изысканно, по-королевски.

— Ваше величество! Не прекратить ли нам докучливой толпы коловращенье и не откушать ли бургундского стаканчик? — обращалась буфетчица к заведующей на правах первой придворной дамы.

— Отменный алкоголь взволнует нашу кровь, и вознесемся мы, как облако, над щами,— предвкушала повар на правах второй придворной дамы.

— О фаворитки, с вами я согласна: закуски вдоволь— грех не отдохнуть. Но вижу я в глазах посудомойки, рабочей кухонной, критический огонь. О, сгинь агент народного контроля!

Уединение еще больше возвышало их над толпой клиентов. Но толпа не падала ниц, не подносила дорогих подарков. Подати с нее (на пропитание королевского двора) приходилось собирать негласно, тишком. Путем недовложений и завышения цен.

Обираемые активно заполняли книгу жалоб. Это давило на психику венценосной особы и ее приближенных.

Состоялся конфиденциальный разговор.

Буфетчица, первая придворная дама:

— Все суета сует. Народец злится и, злясь, пером с бумагою воюет — то недолив ему, то недовес. Рукой клиента бесы водят! Что стоит нам сие маранье отправить в мусоропровод?

Повар, вторая придворная дама:

— Все в книге той смущает утонченный вкус, избыток уксуса изжогу вызывает. В котел ее, нашинковать быстрее! Пусть авторы, писаки, дегтемазы отведают продукт свой распрекрасный.

Их величество заведующая:

— Книжонку с плеч — и вечное блаженство: позора нет, и сгинут все печали. Намеренье сие благословляю... Но вижу я в глазах посудомойки, рабочей кухонной, критический огонь. Уйди, лазутчик ОБХСС!

Мы не утверждаем, что книга жалоб и в самом деле была брошена в мусоропровод. Ее могли и сжечь и отправить на переработку вместе с пищевыми отходами.

Важен не способ, а сам факт уничтожения книги. А он налицо. Впрочем, факт, как говорится, не единственный в истории. История свидетельствует: венценосные особы меньше всего прислушивались к общественному мнению. Но если над монархами прошлого не висели, как меч, народный контроль, ОБХСС и вышестоящая организация — ОРС Могилевского леспромхоза, то у нынешней королевы, а также у ее фавориток жизнь не всегда спокойная.

Однажды разнервничалась первая придворная дама:

— Чего-то ждет смятенная душа, и чудится — паук сплетает сети. Как мухи жалкие, повиснем мы в сетях, что он в моем буфете поразвесил.

Смутилась и вторая придворная дама:

— Я чую в воздухе возмездье... Иль это зразы подгорели?

Черту подвела их величество:

— Предчувствие не обмануло вас, здесь зразы ни при чем — мы можем подгореть. Критический огонь пылает в докладной рабочей Лаптевой, посудомойки. Пускай тотчас предстанет предо мной!

Беременная Лаптева предстала. Заведующая бросила суровый взгляд на буфетчицу и продолжила:

— Я королевское храню величье и рук я не испачкаю о чернь. Но в пасквиле не я одна задета...

Первая придворная дама неожиданным выпадом руки сбила Лаптеву с ног, да так удачно, что та ударилась головой о стену. Не дав беременной рабочей опомниться, первая придворная дама взгромоздилась на нее и заработала кулаками, не забывая изящно высказываться:

— Какое наслаждение, о боже, средь благости и средь лазури рукою трепетной влепить по роже ей!

Их величество Ломако скупо, по-королевски улыбалась. Весело было и второй придворной даме.

...Мы на всякий случай изучили родословные заведующей столовой, буфетчицы и повара. Судьба, что ни говори, играет человеком и, чем черт не шутит, может быть, она в свое время забросила в поселок Годылево каких-нибудь французских маркизов или испанских грандов? Может, в жилах нашей троицы течет голубая кровь и, скажем, фамилию заведующей надо произносить с ударением на последнем слоге — де Ломакȯ?

Исследования показали: среди предков Ломако, Шалаевой и Мельниковой титулованных особ не наблюдается.

Значит, не по наследству досталась им королевская черта — что хочу, то и ворочу!

Оказывается, Лаптева неоднократно сигнализировала руководству ОРСа о пьянках и злоупотреблениях в годылевской столовой. И всякий раз руководство недовольно поеживалось от такой чрезмерной настойчивости: каждый сигнал требовал дополнительных усилий по проверке, выявлению и пресечению. А дополнительные усилия у руководства ОРСа были на вес золота, и годылевской столовой их не перепадало. В связи с чем Ломако и К° уверовали, что они наместники бога. В масштабе столовой № 1.

Не случись избиения Лаптевой, ОРС до сих пор бы раскачивался. А тут общественный резонанс и все такое. Пришлось поднатужиться для дополнительного усилия и написать приказ. В нем, между прочим, не только осуждался хулиганский поступок буфетчицы, но и как бы уж заодно перечислялись прискорбные факты, о которых сигнализировала Лаптева. Ничего не скажешь, удобный способ осуждения: не разбирать своевременно каждый проступок в отдельности, а, поднакопив все грешки подчиненных, бичевать их, так сказать, оптом. Опять же для экономии усилий.

Интересный документ поступил в редакцию из нарсуда Быховского района. Называется он приговором, а выглядит как охранная грамота буфетчицы Шалаевой, или, если угодно, первой придворной дамы. Как вам нравится смягчающее обстоятельство: «Характеризуется положительно по работе, ранее ни в чем предосудительном замечена не была».

Для сравнения процитируем упомянутый приказ по ОРСу: «...За допущенную недостачу, присвоение и скрытие 1 257 рублей за проданную муку... выношу недоверие Шалаевой».

Короче говоря, суд всего-навсего оштрафовал Шалаеву на 25 рублей.

Первая придворная дама еще больше утвердилась в мысли, что она особа привилегированная и что ей и в самом деле все дозволено. Мажорен ее заключительный монолог:

— Хвала тебе, районный суд, за чуткое решенье! Твой приговор похож на суп с большим недовложеньем!..

Могилевская область.

МИМОХОДОМ

Есть неожиданности, которых ждут долгие годы.

И сладкая жизнь надоедает, как горькая редька.

Звёзд с неба не хватал — не было указаний.

Рожденным ползать критика снизу не страшна.

Яркий талант опасен тем, что бросает тень на посредственность.

О. СЕИН

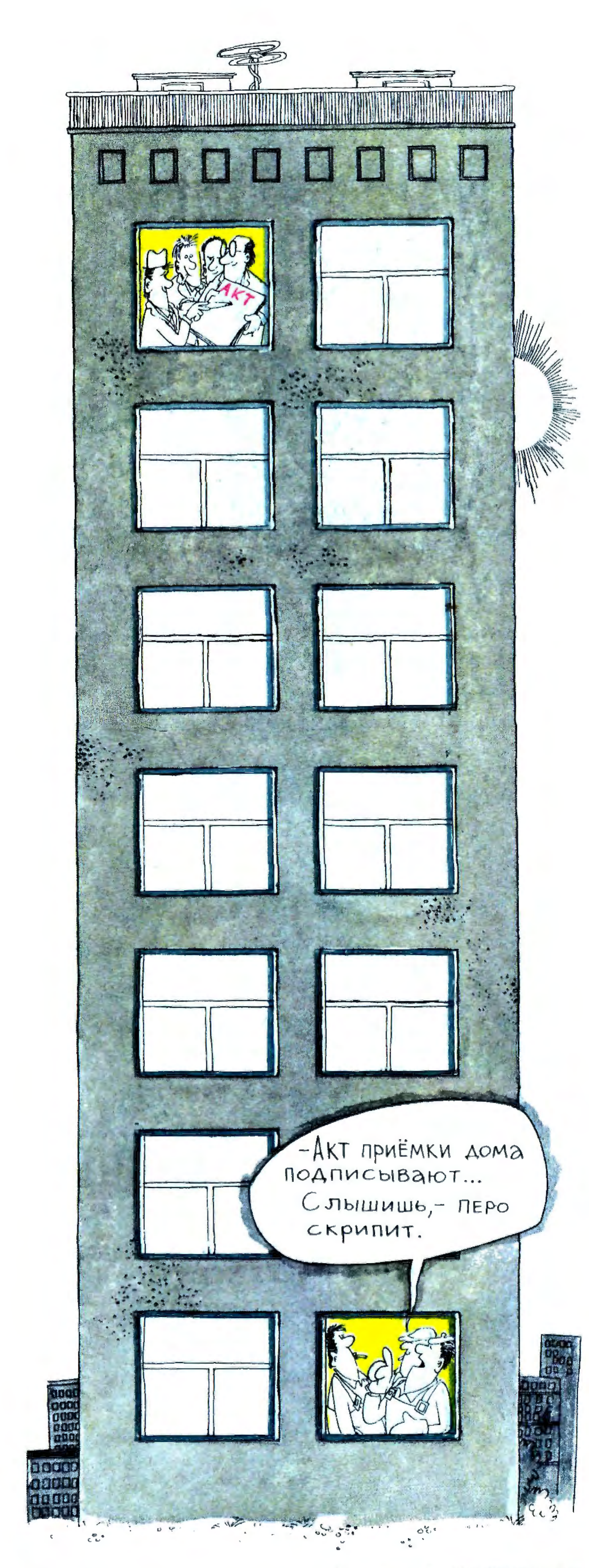

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

15 СУТОК МЕДОВОГО МЕСЯЦА

Рисунок И. СЕМЕНОВА

А. ВИХРЕВ

ПОД РАЗВЕСИСТОЙ ЛИПОЙ

О-хо-хо, дорогие читатели, что ни говорите, хлипка еще нынешняя-то медицина! Взять, к примеру, такое смутное состояние духа, как сомнение, — ведь никакого лекарства от него на сегодняшний день нету. Вот и приходится терзать себя вопросом: возможно ли то, что невероятно?

Ну, допустим такое: в одно и то же время в разных концах страны происходит одно и то же событие. То есть, понимаете, тут и там разворачиваются абсолютно одинаковые сюжеты, хотя действующие лица, понятно, разные. И, что самое поразительное, лица эти исторически вполне конкретные!

Значит, так... Вышел в ноябре 1966 года номер 11-й журнала «Сельский механизатор»... Или не вышел? Или не номер 11-й? Фу ты, наваждение! Нет, нет, это уж точно: вот он, журнал-то, у меня в руках. А вот и очерк Ивана Краснобрыжего... Или не очерк? Да нет же, тут и рубрика стоит: «Очерк». И место действия указано: колхоз имени Кирова, Кургальджинский район, Целиноградская область. Стало быть, надо верить. Надо, надо...

Вот я и верю. Верю я, значит, верю. И вы тоже верьте. И он, она, они. Мы, одним словом. Давайте мы все дружно верить ему. Ивану Краснобрыжему то есть. Раз, два, три — поверили!

Очеркист едет в «газике» по степи. Рядом с ним—Искандер Ержанов, «старый аксакал», а в прошлом — «личный ординарец» Амангельды Иманова. Тридцать лет подряд был председателем колхоза... И вот уже тракторный стан, где очеркиста и аксакала угощают головой барана, после чего один из трактористов просит Ержанова: «Расскажите нам еще что-либо о революции». И он рассказывает.

Рассказывает он о том, как Амангельды Иманов вручил ему в Тургае обращение Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», чтобы разнести весть о нем «по всем аулам и кишлакам от Ишима до Балхаша». Как пленили Искандера белоказаки, привезли в Акмолу и поволокли уж было на виселицу, и как один офицер приподнялся на стременах, а Искандер «вспрыгнул на круп коня» и «зубами впился в набухшую вену на шее» офицера. И как ушел от вражьей погони Искандер, сохранив под окровавленным чекменем «Большую бумагу», и выполнил наказ Амангельды Иманова, наизусть пересказывая беднякам обращение, ибо в то время «отважный джигит не знал ни одной буквы»...

Теперь, значит, так... Вышел 17 декабря того же 1966 года очередной номер газеты «Советская Кубань»... Или не вышел? Или не 17-го? Да нет, конечно же, все правильно — вот она, газета. И вот рассказ Ивана Краснобрыжего. О том, как Иван Кочубей вручил своему «главному рубаке» Кадырбечу Шакультирову в Невинке обращение... Как пленили Кадырбеча белоказаки, привезли в Армавир и поволокли уж было на виселицу... Как ушел он от вражьей погони, сохранив под окровавленным бешметом «Большую бумагу», и выполнил наказ Ивана Кочубея, наизусть пересказывая беднякам обращение, ибо в то время «отважный джигит не знал ни одной буквы»...

О-хо-хо, как бы легко дышалось, не будь окаянных сомнений! Убедить бы мне себя, что может, может случиться такая редкостная адекватность событий. И уж не пытать бы свою память, восстанавливая беседу с И. Краснобрыжим восьмилетней давности по поводу этих двух публикаций. А между тем точно — была такая беседа, в ходе которой Иван Тимофеевич исповедался в том смысле, что очерк о Ержанове — истинная правда, а рассказ о Шакультирове — плод огорчительного легкомыслия и наивного соблазна потрафить своим землякам-кубанцам. А также клятвенно заверил, что отныне и впредь не допустит чрезмерно вольного обращения с историческими фактами.

Была, была, значит, такая исповедь... А, может, все-таки не было ее? Отчего эти мучительные сомнения? Оттого, наверное, что уже совсем недавно вышла в Москве книжка Ивана Краснобрыжего «Журавлиная дорога», в которой— вы угадали! — опять же помещена легенда о Кадырбече. Та самая история, только Кадырбеч уже другой: не Шакультиров, а Паранук.

Есть в книжном варианте рассказа и еще кое-какие уточнения. Автору удалось выяснить, что Кадырбеч Паранук в отличие от Искандера Ержанова и Кадырбеча Шакультирова не перегрыз офицеру горло, а только «вывернул ему правую руку». Если Шакультирова привезли в Армавир ночью, то Паранука — вечером. Если Шакультиров «привязал Орлика под развесистой ивой и спрятался в кустах краснотала», то Паранук «привязал Орлика под развесистой вербой и спрятался в кустах ивняка». Впрочем, какое значение имеют эти жалкие кустарники, если весь рассказ созрел, так сказать, под развесистой липой?

Да, теперь уж, конечно, Ивану Краснобрыжему сочинять свою собственную историю гражданской войны на Кубанщине куда как вольготно. Не то, что тогда, в 1966-м. Тогда пришлось весь местный колорит перелопатить, все детали перешерстить. «Акмолу» переиначить, как мы видели, в «Невинку», Тургай — в Армавир, чекмень — в бешмет, «вороного аргамака» Монгола — в «вороного кабардинца» Орлика...

В очерке:

«— Попался!—осаживая взмыленных лошадей, закричали враги. — Мы тебя знаем! Ты ординарец Амангельды!»

В рассказе:

«— Попався! — закричали белоказаки, осаживая храпящих коней. — Знаемый бандюга! Вин у Кочубея главный рубака!..»

В очерке:

«— Пусть его шакалы задерут! — обозлились враги на Монгола. — Поворачивай назад!»

В рассказе:

«— Хай его бирюки сожруть! — прокляли белоказаки Орлика. — Поворачивай назад!»

В очерке:

«— Воды? — оскалился офицер. — Скажешь, зачем послал Амангельды, получишь глоток. Будешь молчать — запорю!»

В рассказе:

«— Воды? — осклабился арканщик.— Скажешь, зачем послал Кочубей, получишь глоток! Будешь молчать — кожу сдеру!»

Ну и так далее — вплоть до едва заметных, казалось бы, тонкостей, как, например:

Искандер, «словно рысь, вспрыгнул на круп коня...» (в очерке);

«Кадырбеч барсом вспрыгнул на круп коня...» (в рассказе).

Из чего, конечно, явствует, что рысь типична для казахстанских равнин в такой же мере, как барс — для прикубанских.

Помимо всей этой бездны любопытных нюансов, сравнение очерка с рассказом открывает читателю великое таинство переплавки скупой документальной прозы в изящную беллетристику. Только один пример.

Из очерка:

«В одном кишлаке враги остановились напоить лошадей».

Из рассказа:

«В хуторе Степном, безмолвном, точно вымершем, враги остановились под тихо шуршащими тополями напоить лошадей».

Вот ведь, сдается, таким-то манером и уйти бы автору всецело в худ.-лит. словесность, и не тревожить бы имена подлинных героев, и не ввергать пытливого читателя в смятение и недоумение, — ан нет! Цепко держится автор за свой метод обращения с матушкой-историей и никак не хочет расстаться с «документальностью», с которой, однако, сам же поступает более чем бесцеремонно. И поэтому нимало не смущается, заканчивая и журнальный очерк и книжный рассказ соответственно так:

«Они (бедняки-казахи. — А. В.) тайными тропами, глубокими оврагами, как вешние ручейки, стекались в Тургай к легендарному герою Амангельды Иманову, чтобы разлиться рекой всенародного гнева по широким ковыльным степям Казахстана».

«Они (бедняки-адыги. — А. В.) тайными тропами, глубокими оврагами, по рощам, перелескам днем и ночью, как вешние ручейки, стекались в бригаду легендарного Кочубея, чтобы разлиться рекой всенародного гнева по широким кубанским степям».

Подивишься лихой беспечности, с какой Иван Краснобрыжий тасует и передергивает, точно замусоленные карты, бесценные исторические факты, да и содрогнешься от невольного подозрения: а все ли ладно и достоверно и в самом «исходном» очерке об ординарце Амангельды Иманова? Но растворились ли и там в мутноватом коктейле вымыслов-домыслов крупицы подлинной правды?..

Кто может ответить на этот вопрос? Где он, суровый и справедливый судья, приставленный к охране исторической правды? Не пребывают ли в академической безмятежности историки и писатели, работники музеев и архивов, вовсе не зная, очевидно, о публикациях, подобных описанным выше?

Пока не будет внедрена обязательная, квалифицированная, объективная проверка любого и каждого сочинения, претендующего на историческую достоверность, каких еще, видать, удивительных джигитов не доведется нам встретить на бескрайних белых равнинах газетных, журнальных и книжных страниц! Помимо тех, которые прыгают на врагов, как рыси, и перегрызают им горло, как барсы...

Владимир МАСС

Откровенный разговор читателя с поэтом

ЧИТАТЕЛЬ

Скажи, поэт, зачем так пишешь ты!
Собьешься с ног, пока дойдешь
до точки —
кривляются, гримасничают строчки,
как будто ты боишься простоты.

ПОЭТ

Я с малых лет стыдливость чтил и чту,
и ты напрасно на меня в обиде.
Я скрыть свою стараюсь наготу —
нельзя на бал являться в голом виде.

ЧИТАТЕЛЬ

Прости, не разделяю я твой взгляд!
Мне мысль важна, изложенная ясно,
а ей не нужен вычурный наряд,
она и обнаженная прекрасна.

ПОЭТ

Как раз вот ясность мне и не нужна.
Я так стремлюсь за фразой строить
фразу,
чтоб, если мысль банальна и скудна,
об этом догадался ты не сразу.

ЧИТАТЕЛЬ

Скрыть пустоту не может пустота!
Зачем же так писать витиевато!
Ни вкуса, ни души. Сплошная вата:
жуешь,
аж подступает тошнота!

ПОЭТ

Что я могу сказать тебе в ответ!
Нелегкая досталась мне работа.
Ведь, если ничего за строчкой нет,
тогда должна быть видимость
чего-то.

ЧИТАТЕЛЬ

Ну, что ж, пиши, как хочешь.
В добрый час!
Поэтов, право, судим мы не строго.
Лишь одного мы требуем от вас,
чтоб — мало слов,
а чувств и мыслей — много.

Пародии

Михаил РАСКАТОВ

Весна

...А за окном — курлы-курлы!..
Вадим СЕМЕРНИН.

...снегирь над тобою
просигналит
«пи-пи... пи-пи-пи...»
Василий ЖУРАВЛЕВ.

И пел свое «тирли-тирли»...
Владимир ПРИХОДЬКО.

Весна берет свои права
И просится в строку...
Хрю-хрю... Тук-тук... Кар-кар... Ква-ква...
Чив-чив... Га-га... Ку-ку...

Летают птички высоко,
Зеленым стал лесок...
Чирик-чик-чик... Мур-мур... Ко-ко...
Фыр-фыр... Тяв-тяв... Цок-цок...

Цветочки лихо зацвели,
Как скромный дар тебе...
Курлы-курлы... Тирли-тирли...
Ме-ме... Му-му... Бе-бе...

Весной вставай пораньше, друг,
Природу не проспи...
Кука-ре-ку... Буль-буль... Плюх-плюх...
Блям-блям... Шмяк-шмяк... Пи-пи...

Вячеслав ОРЛОВ

Ах, шарманка!

Ах, русских поэтов и страсть и дурман:
шарманка, кибитка, котомка!
...так трудно не встретить нам в русском
быту
кибитку, котомку, шарманку.
Юрий РЯШЕНЦЕВ.

Ах, в русской поэзии просто завал
шарманок, цыганок, котомок!
Зачем? Да затем, чтобы нас распознал
по этим котомкам потомок!

Как сладко забыться в забытом быту!
Погрезить... Себе не в убыток.
Проснешься, рванешься — загривок в поту
от дрожек, рыдванов, кибиток.

Душой, воспарившей средь ночи, лечу
над мраком Полянок, Таганок
и ветхий в стихи реквизит волочу
из дудок, свирелей, шарманок!

Вл. МИТИН, специальный корреспондент Крокодила

ОШИБКА ЧИНГИСХАНА

Черный орел тенью скользнул над войсками и застыл в знойном небе, изучая осажденный Дербент... Чингисхан пнул стенобитную машину сапогом, прошептав:

— Бессильна... Ах, если бы мои нукеры могли летать, как орлы...

Командиры десятитысячных туменов обратились в слух:

— Что сказал ты, о повелитель вселенной?

— Я снимаю осаду. Прикажите всем: этой ночью мы выступаем на Рим...

Темники бросились к своим отрядам. Гроза царей и народов вытер капли гнева со скул и пробормотал:

— Я не смог разбить эти стены, а ведь им уже тысяча лет. Гунны и хазары отступили перед ними... Когда-нибудь летописцы скажут: Дербентская крепость простояла века. Если, конечно, до той поры ее не уничтожит самый могучий разрушитель — время.

* * *

— Даже время не смогло разрушить эту крепость,— сказал Амирхан Газиевич Газиев.— А ведь ей уже полтора тысячелетия. Ибо время не располагает автогенным аппаратом...

Секретарь Дагестанского общества по охране памятников истории и культуры стоял в цитадели Нарын-кала. С высоты орлиного лета открывалась неповторимая картина. Далеко внизу блистал бурунными сединами Каспий. От цитадели к морю шли две стены, частично уже разрушенные гражданами... Но еще высились незыблемо контрфорсы головокружительной крутизны, возведенные на заре нашей эры. Стихии не справились с пятиметровой толщины стенами; они не одолели кружевные аркады бань, водоемов и палат. Даже частые здесь землетрясения не смогли сокрушить незыблемое...

Теперь это запросто удавалось простым людям.

— Скоро они доберутся и сюда,— горестно молвил товарищ Газиев.— Время — ничто по сравнению с человеком...

Гнев наполнял его сердце. Накануне под напором человека пало украшение крепости, когда-то неприступные ворота Кирхляр-капы. Общество по охране пыталось отстоять сооружение невиданной красоты, но люди подкрались ночью. Бледно-лимонные автогенные звезды с шипением вознеслись к небу. Рухнули двутавровые балки, врытые сотрудниками общества в воротах, и под варварское улюлюканье ворвались в проход грохочущие МАЗы и КРАЗы. Они выдирали древние камни и сдирали орнамент. Так было способней водителям сократить ездку на малую толику...

Силы покидали общество. На очереди были Южные ворота — Орта-капы. Ворота со Львом. Дербентские граждане презрели защитную пятидесятиметровую полосу и угнездили у ворот мерзкий синий «гадючник». Разгорячив себя напитками, отсюда «дикари» лезли к ханскому дворцу. Реставраторы почти восстановили его, но не надолго.

— Я это предвидел! — сказал А. Газиев.— Эти гунны уже добрались сюда, начертав на стенах свои имена.

Действительно, на недосягаемой высоте виднелась кощунственная черная метка, исполненная несмывающимся продуктом, скорее всего мазутом: «Шурик и Фарида посетили сюда 7.4.74 г.».

«Ах, если бы установить фамилии данных варваров,— сладко подумал секретарь.— Ведь даже хазары не пачкали стен, хотя и имели письменность...»

Из сарая постройки 1974 года вышел гусь лапчатый и отправился по нужде в гарем 474 года, при восстановлении коего пролилось немало пота реставраторов.

— Кыш, кыш, неразумная птица!

Секретарь резво устремился к пернатому, сожалея, что нет под рукой хотя бы примитивной катапульты — рогатки. Гусь же спокойно совершил свое естественное дело и заковылял щипать траву, буйно проросшую сквозь своды хитроумной водозаборной системы VI века.

* * *

— Браво! — сам себя поздравил гражданин Бадави Мамедов, нанося стене последний удар.— Это не удалось даже Чингисхану, но у него не было простейшего динамитного патрона.

Камень с причудливой коранной вязью выпал из стены. Бадави немедленно просунул голову в отверстие и пошевелил усами: мусоропровод был готов. И вообще Б. Мамедов добился целого ряда, так сказать, исторических успехов. Он разрушил часть дербентской стены, за счет которой увеличил свои владения на целый курятник!

Бадави вынул голову обратно из отверстия, сбегал за мусором и вышвырнул его вон. Однако зависть снедала Мамедова. Его соседи — Мухарбек Арсланов, В. П. Бабочкин, П. Рамазанова и многие другие — еще успешней разорили ворота Баят-капы... С помощью современной техники они пробили окна, соорудили переходы, кладовки и душевые...

Да, горожане вполне могли молиться на горисполком. Ведь это он благосклонно помог им преодолеть пятидесятиметровую запретную зону. Городские власти и сами были не промах по части памятников истории и культуры. Они прибрали к рукам стариннейший образец зодчества — Кирхляр мечеть. Общество билось за нее, как снежный барс. Оно истратило на ее восстановление 70 000 рублей! Однако дербентские компетентные лица с пользой для техники ухитрились приспособить исторический пункт. Они установили в нем... шерстеочистительную машину.

Я хотел рассмотреть с высоты ворота Кала-капы. Те самые, что были воспеты великим Низами. Те самые, что привели в восхищение Петра Первого, Бестужева-Марлинского и Александра Дюма! Я с грустью увидел валяющиеся обломки стен и плит, покрытые редчайшими надписями. Ворот не было. Так же, как и многих памятников на кладбищах, окружающих Нарын-калу. А ведь ценнейшие образцы дагестанского искусства были сосредоточены здесь: замечательные орнаменты, художественная резьба по камню и уникальная эпиграфика...

А как тут выйдешь из положения, если даже в реставрационной мастерской трудятся люди, не являющиеся специалистами в таком субтильном предмете, как реставрация. И как бы тщательно ни трудились они, куда им против оснастки разорителей! А штаты? Директор, строитель по образованию, с прорабом и бухгалтером...

И разве поспеешь по всей Стране гор? Идет в Дагестане повсеместно мощное наступление индустрии на памятники старины. Повсюду на равнинах срывают курганы и могильники. Швах—скрепером, и поминай, как звали...

В районе Урцехи было раскрыто геологами древнейшее городище. Слезы радости и брызги шампанского размазывали по небритым щекам геологи.

— Кто знает, братие,— сказал предводитель партии,— что даст мировой науке это городище?..

Ах, никто этого ни за что и никогда не узнает. Всем городом Избербашем бросились на раскопки граждане добывать здесь камень для строительства заборов. Причем самым варварским способом — с помощью экскаваторов и бульдозеров!

Не лучше обстоит дело даже в горах. Казалось бы, здесь — защититься, отстоять памятники союзного значения. Допустим, Джуму, мечеть восьмого века в Кумухе... Ан нет! Тридцать лет местное райпо хранит в памятнике картошку, водку и прочие горюче-смазочные материалы. А Дагпотребсоюз полон решимости держать и не пущать. До тех, очевидно, пор, пока не рухнут стены шедевра...

Пропадает старейший христианский храм Датуна. Гибнет замок в Ахвахе. И вот-вот бесславно падет боевая башня в Тлибишо.

Тут мы предвидим скептический взгляд читателей. Не забывается ли, мол, что подземные толчки и даже отдельные катаклизмы в этих краях почти так же часты, как дождь в субтропиках? И надо ли заниматься постройками времен царя Гороха, когда сегодня строительных забот и так по горло?

Что же, эти самые царегороховские строения прекрасно устояли перед натиском стихий и самого времени. Равняться бы на них нынешнему строительству! И более того: вовсе не надо у него отбирать какие-то средства. Речь идет о том, как оградить непреходящую историческую ценность.

* * *

— Что же делать? — практически воскликнул автор сих строк.— Как спасти хотя бы дербентские стены малыми средствами?

Оказывается, теоретически это всем известно. Общество, например, подсчитало, что в год цитадель бесплатно посещают триста тысяч «дикарей» в обоих смыслах этого слова. После таких визитов не уцелеет никакая крепость в мире. Зато всего два человека — кассир и билетер — окупят реставрацию. Раз. Таково практическое предложение Общества.

Два — это гостиница. Так считает Дербентский горисполком... Понятно, не караван-сарай на сорок коек, пришедший из мрака средневековья, а отель, который тот же горисполком не может сдать в эксплуатацию уже пятый год. А ведь строительство такой гостиницы можно смело ускорить за счет поступлений в кассу цитадели.

Три — тот же горисполком полагает, что он должен категорически воспретить строительные операции граждан в запретной зоне... Четыре? Министерство культуры хочет заняться продажей буклетов, путеводителей и сувениров, что придаст сохранности живительный стимул... Что же мешает?

Столь обычная инерция! Да взойдет солидный, ответственный товарищ в цитадель. Пусть взглянет оттуда на стену, какая есть только у нас и какой нету больше ни у кого в целом свете. Это о ней сказала член-корреспондент АН СССР К. В. Тревер: «Дербентская стена — единственная в мире крепостная стена, дошедшая до нас от Сасанидского Ирана...»

Чингисхан ошибся: ее не разрушило даже время.

Нам ли ее не спасти?

г. Махачкала.

— За браконьерство я с тебя три шкуры сдеру!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

черным по белому

Рисунок М. БИТНОГО

— Как? Начались каникулы, а вы все еще делаете уроки?!

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

Рисунок В. ВЛАДОВА

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ

Начальник Ставропольской лаборатории государственного надзора за стандартами и измерительной техникой (ЛГН) Иван Сергеевич Трембач два дня не выходил из кабинета, строжайше приказав никого к нему не впускать. Снедаемые любопытством, сотрудники ломали головы, в чем причина добровольного заточения Ивана Сергеевича.

— Ума не приложу,— говорила секретарь.— То нервно ходит взад-вперед, то что-то пишет. За все время изрек всего два слова: «Пора кончать!»

На третий день И. С. Трембач созвал аппарат.

— Я пригласил вас для того,— тут он окинул всех проницательным взглядом,— чтобы огласить правила вашего поведения. С сего дня вы должны выполнять их твердо и неукоснительно. Прошу каждого расписаться в получении...

И с того дня все стали вести себя по правилам.

Вот инженер лаборатории прибыл на завод.

— Здравствуй, Витя! Сколько лет, сколько зим! — приветствовал его друг из ОТК.— Как жена?

— О жене не спрашивай,— холодно ответил Виктор.

— Поссорились, развелись?

— Я не имею права рассказывать о своих делах.

— Это почему же?

— Запрещает Иван Сергеевич.

— Узнаю, старик! Как был юмористом, так и остался! Что нового в лаборатории?

— О работе тоже говорить не имею права.

— А как с заведующим отделом, нашел общий язык?

— Мы с ним во многом расходимся.

— Пошел бы к Трембачу!

— Запрещено правилами!

— Какими?

И тут инженер лаборатории под строжайшим секретом познакомил своего приятеля с правилами поведения, разработанными И. С. Трембачем.

— На, читай! «Работник лаборатории не должен обращаться с какими-либо жалобами к руководству, минуя своего руководителя, если тот заранее не был предупрежден об этом намерении. Он должен быть готовым без особого эмоционального восприятия принимать неугодные для своих интересов решения, если этого требуют интересы ЛГН». Теперь понял? Поспорив со своим начальником, я опрометчиво разогнался к Трембачу, но вспомнил о правилах поведения и остыл. И без особого эмоционального восприятия остался при неугодных для себя решениях. Так-то, приятель! Хоть ты мне и друг, но не осуди! Согласно пункту пятому «Правил», сегодня я у тебя единственный представитель государственного надзора. По предписанию параграфа второго, я должен быть «искренним, целеустремленным и деловитым». Так что давай сразу о деле!

— Странно все это... И, главное, при чем здесь семья?

— А при том! Читай пункт девятый: «Работник ЛГН при посещении предприятия ни с кем не должен обсуждать свои собственные дела или работу лаборатории».

— У тебя, Витек, все в голове перепуталось. Заговорил инструкциями. Как бы лечиться не пришлось...

— Зато веду себя по правилам.

* * *

Писаниями Ивана Сергеевича Трембача заинтересовался народный судья города Ставрополя Яков Маркович Поташников. Прочитав его творение, он в открытом судебном заседании воскликнул:

— За тридцать лет работы в суде впервые встречаю такое оригинальное произведение!

Суд, разбиравший конфликт Ивана Сергеевича с подчиненным инженером, заинтересовался делами лаборатории и пришел к выводу: И. С. Трембач испытывает необыкновенный административный зуд. Во вверенном ему учреждении за год сменилась чуть ли не половина личного состава.

Рассказывают, что работники Ставропольской ЛГН по достоинству не оценили педагогический труд Ивана Трембача. После чего он снова закрылся в кабинете. И... ох, что-то опять пишет!..

А. ГЕЙДЕКО.
г. Ставрополь.

Алекси АНДРЕЕВ (Болгария)

ЗАРУБЕЖНЫЙ ФЕЛЬЕТОН

ЗАДАЧИ ИЗ ЖИЗНИ

Согласно сообщениям американской печати, комиссия, состоящая из 35 сенаторов и специалистов, изучив состояние школьных дел в США, пришла к выводу, что учебные программы «невероятно устарели», а учебники «совершенно оторваны от жизни и пестрят давно уже не существующими сведениями». Комиссия предложила объявить конкурс на создание новых учебников по отдельным предметам, в которых учебный материал излагался бы в виде простых и наглядных примеров «из жизни».

Внимательно изучив американскую печать за последние три месяца, мы решили принять участие в конкурсе на создание нового учебника по математике. Материал, предложенный нами, является достоверным, наглядным и вполне отвечает требованиям американской школы.

ЗАДАЧА № 1. Полиция Лос-Анджелеса советует учителям местных школ запасаться оружием, ибо почти половина школьников носит в карманах пистолеты. Спрашивается, каким оружием должен вооружаться педагог, чтобы поддержать свой авторитет,— автоматом М-16 или танком «Шерман»?

ЗАДАЧА № 2. Безработный негр П. Бирд из Мобила, штат Алабама, забрался в сад белого фабриканта А. Хьюза и похитил с садового столика четыре ломтя хлеба и один апельсин, чтобы накормить своих голодных детей. Вор был пойман с поличным и приговорен к трем месяцам тюремного заключения с выплатой штрафа в размере 66 долларов 45 центов. Спрашивается, сколько дней заключения и сколько долларов приходится на один ломоть хлеба и на одну дольку апельсина?

ЗАДАЧА № 3. В 1973 году в странах Латинской Америки умерло от недоедания 800 тысяч детей. В то же время североамериканские монополии на каждом жителе этих стран заработали по пять долларов. Какова взаимосвязь между числом голодающих детей и барышами американских монополий?

ЗАДАЧА № 4. Согласно сообщению американского журнала «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт», плата за обучение и общежитие в американских вузах возрастает приблизительно на 25 процентов в год. В 1972/73 учебном году она составляла шесть тысяч долларов на одного студента. Спрашивается, сколько будет стоить обучение через шесть, восемь, десять лет?

ЗАДАЧА № 5. В Вашингтоне для разгона трехтысячной студенческой демонстрации, протестующей против увеличения военных расходов, потребовалось четыреста пеших, шестнадцать конных и двести сорок пять моторизованных полицейских, пустивших в ход сто сорок пять бомб со слезоточивым газом.

Сколько пеших, конных и моторизованных стражей порядка потребуется для разгона двадцати пяти тысяч бастующих докеров Нью-Йорка, если принять во внимание, что один докер в два с половиной раза сильнее одного студента?

ЗАДАЧА № 6. В минувшем году инспекторами американского министерства труда зарегистрировано тридцать тысяч случаев, связанных с эксплуатацией детской рабочей силы.

Сколько случаев осталось нераскрытыми, если известно, что во всех Соединенных Штатах имеется только двадцать пять инспекторов и в стране нет федерального закона, запрещающего детский труд?

Перевел А. КУЗЬМИН.

Николай ЭНТЕЛИС

Лев в раю

Оставив близких и друзей,
Прельстившись лживым словом,
В хваленый «рай» —
Заморский край —
Подался Лев из Львова.

Живет в Нью-Йорке у сестры,
Имеет кров и пищу...
Молчит сестра,
Но Льву пора
Подыскивать жилище.

С утра он в мэрию пришел:
— Хэлло! Сказать по правде,
Хочу свое
Иметь жилье —
На очередь поставьте.

— Чего!—швырнул сигару клерк
(Лицо у клерка злое),—
Свобода здесь:
Монета есть!
Купи себе любое!

Работу срочно ищет Лев
(А был он инженером),
Но важный босс
Сказал под нос:
— Возьму тебя курьером.

— Курьером!! — возмутился
Лев.
Но босс изрек сурово:
— Свобода здесь!
Забудь про спесь —
В момент найду другого!

Лев заболел... Тошноты, резь...
Больница где-то рядом.
Звонит туда:
— Стряслась беда,
Врача пришлите на дом!

— Готовьте доктору конверт
С высоким гонораром.
Тошноты? Резь?
Свобода здесь:
Врачи не едут даром!

Яснее с каждым новым днем—
На рай и не похоже:
Удача — бред,
Работы нет,
Своей квартиры — тоже.

Все горше, тягостней житье
В тисках чужого края,
И Лев с тоской
Рычит: — На кой
«Свобода» мне такая!!

Берет он ручку, чистый лист,
Выводит аккуратно:
«Я вам пишу...
Простить прошу...
Хочу домой! Обратно!»

— Цены растут, смотреть страшно!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«КАНАРЕЕЧКА ЖАЛОБНО ПОЕТ...»

В одноименном фельетоне А. Никольского («Крокодил» № 5) рассказывалось о том, что магазин в деревне Буньково, Ивановской области, работал из рук вон плохо. Особенно «отличалась» продавец В. Гаврилова. Она обвешивала покупателей, отпускала дефицитные товары из-под прилавка, а на замечания отвечала грубостью.

Как сообщает редакции заместитель председателя Ивановского облисполкома тов. А. Морозов, председателю Ивановского райисполкома тов. В. Бутину строго указано на бюрократизм и непринципиальность при рассмотрении жалоб колхозников; заместителю председателя райисполкома тов. А. Дмитриеву объявлен выговор. Наложено взыскание и на председателя исполкома Буньковского сельсовета тов. З. Журавлеву.

На выступление «Крокодила» также откликнулся председатель правления облпотребсоюза тов. Е. Яишницын. Виновным в волоките при рассмотрении жалоб колхозников старшему инструктору И. Воробьеву и инструктору Н. Синчук объявлены выговоры. Продавец В. Гаврилова от работы освобождена. Магазин укомплектован новыми работниками.

«И УМЫЛИ РУКИ»

Жительница города Новороссийска Е. Носова оказалась обладательницей бракованного умывальника, выпущенного октябрьским заводом «Металлист» (Башкирская АССР). Из приложенной к умывальнику этикетки явствовало, что качество его проверила контролер ОТК Артамонова (см. заметку «И умыли руки», № 5).

Как сообщает заместитель министра местной промышленности Башкирской АССР тов. М. Булгаков, вопрос улучшения качества изделий, выпускаемых заводом «Металлист», рассмотрен техническим советом завода. Тов. Артамонова переведена на другую работу.

60 лет — фельетонисту Константину Степановичу СЕЛИНЕВИЧУ — верному другу казахстанской природы, врагу браконьеров, хапуг и бюрократов, проявившему эти ценные качества на страницах «Крокодила» и «Шмеля».

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

Борис Филиппович САВКОВ

(к 60-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

— Да ты не бойся! Я и готовить умею.

Рисунок Б. САВКОВА

Владимир СВИРИДОВ

РОМАНТИК

Рассказ

День давно уже занялся, а Борис все еще нежился в постели. Солнечные зайчики выплясывали у него на лице свой задорный танец. Борис открыл глаза. Часы показывали десять утра.

Он потянулся к «грюндигу». Музыка вырвалась из магнитофона и наполнила комнату. Голуби, сидевшие на подоконнике, шарахнулись в стороны.

Борис шмыгнул в холодную шелковую майку и позвал жену:

— Зоя!

Никто не отозвался. Он вспомнил, что еще вчера она уехала погостить к матери. Уехала так уехала. Он потянулся к бутылке кваса. Потом открыл холодильник. В огромной пасти финского «Розенлева» обнаружил жареную куропатку, банку с черной икрой, отварную осетрину.

— Опять то же самое.— Он с отвращением посмотрел на пищу. Допил квас и, жуя бутерброд с ветчиной, стал собираться на работу. Нога почему-то долго не хотела влезать в узкую штанину модных джинсов. Наконец он продел обе ноги, но потом вдруг передумал, стащил с себя брюки и зашвырнул их в угол за сервант.

— А-а-а, и так сойдет. Имею я право хоть раз позволить себе такую вольность? — Он критически оглядел себя в зеркало и нашел, что синие в полоску трусы и белая майка — вполне приличный ансамбль. Борис положил в потертый портфель, с которым не расставался со студенческой скамьи, кое-какие бумаги и блокнот. Пошарил рукой под тахтой. Нащупал топор. Топор был острый. Борис провел по лезвию ногтем и с удовлетворением отметил, что лезвие не затуплено. Топор он тоже положил в портфель. На всякий случай.

На воздухе было уже жарко. Борис давно не пользовался услугами городского транспорта. Он ходил на работу пешком. Но сейчас ему почему-то захотелось привычно кинуть в автомат пятачок и пройти в прохладный вестибюль метро, где всегда чисто и опрятно, как в музее, или на худой конец взять такси, накинуть мелочи за скорость и с ветерком промчаться по проспекту. Но он шел пешком.

«Сейка», обвивавшая его левое запястье, показывала, что пора на работу. Никто не обращал внимания на его странный гардероб. Никто не возмущался, не указывал на него пальцем. Но и от этого ему было не легче.

Он на мгновение представил себе, как еще год назад отреагировали бы коллеги на столь странный наряд, и ему стало смешно. Теперь все гораздо проще. Теперь он сам начальник. Не будет же он в такую погоду париться. И все-таки ему вдруг взгрустнулось — захотелось, как в добрые старые времена, стрельнуть трешник и пойти с друзьями попить пивка в знакомое заведение.

От этой мысли он даже повеселел. Впрочем, увы, суровая действительность лишала его этого маленького кейфа. У него было все — даже крупные купюры, а на балконе висела огромная связка вяленой воблы. Было все, не было только друзей.

Он вспоминал свою старую работу в управлении и мечтательно улыбался. Да, то было прекрасное время. Когда за опоздание журили, заставляли писать объяснительную записку, когда за промашки наказывали или вызывали на ковер к шефу.

А как приятно было в кругу таких же пострадавших выкурить сигарету и сказать все, что ты думаешь о своем начальстве!

— Эх,— Борис даже зажмурился от удовольствия,— выговорешник бы отхватить!

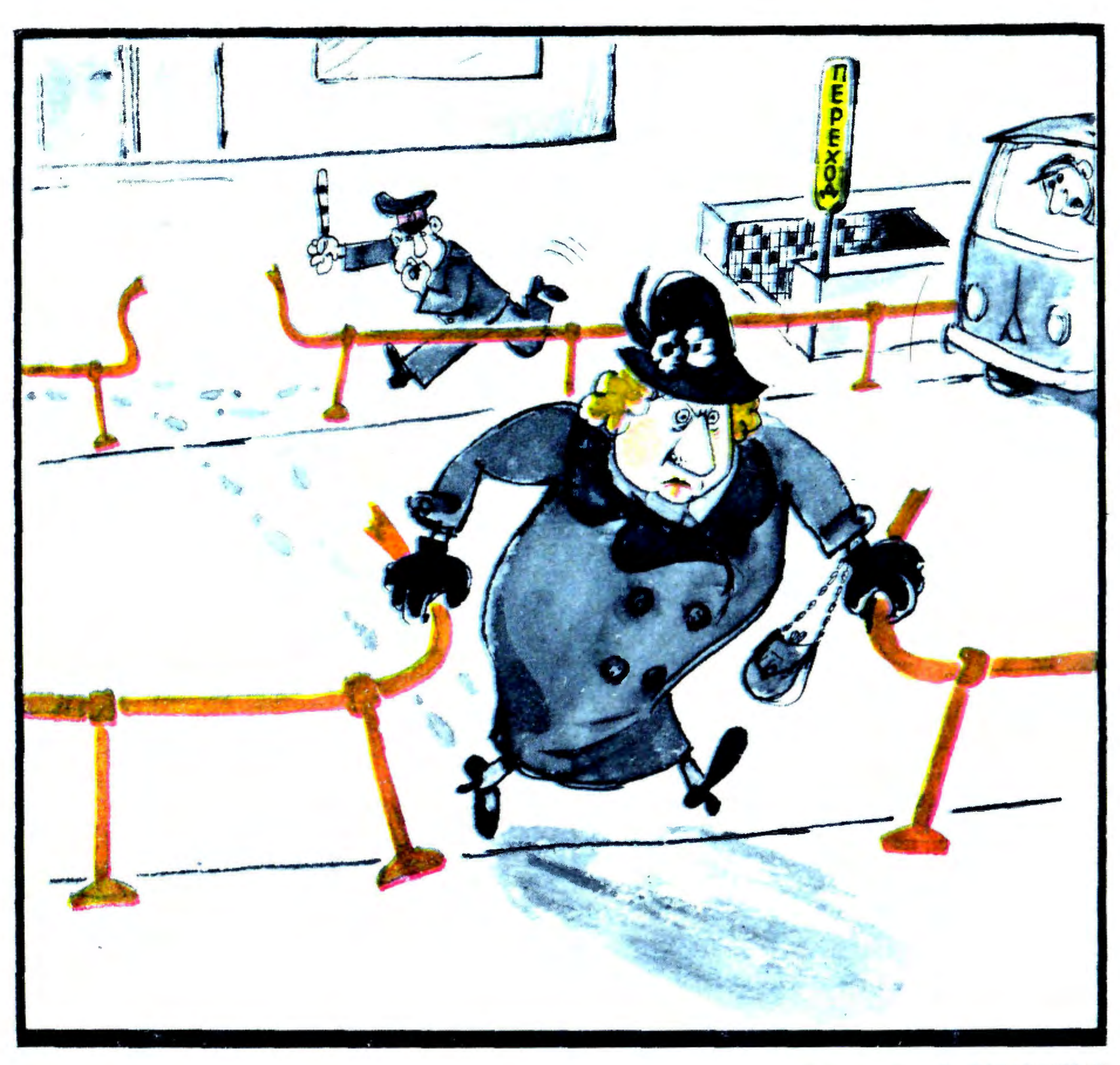
Его вдруг разобрало зло. Он с размаху шмякнулся на землю. Никто его не поднял, никто не стал звонить в милицию. Каким наивным чудаком он был, когда стремился к этому, будь оно не ладно, благополучию. Самостоятельный участок работы! Уют! Покой! Хороший оклад! Черт бы все это побрал! А Зоя? Разве она не радовалась его новому назначению?

— Это же прелесть, Борька! — кричала она тогда, прыгая от радости.— У нас будет уйма свободного времени. Я буду писать книжку, ты работать над диссертацией. А сколько новых впечатлений, какой здоровый климат, чистый воздух!

Первое время они буквально объедались осетриной и тетеревами, купались в реке, дышали чистым воздухом. Они покупали дорогие модные вещи, которые надевали по вечерам, и играли в подкидного дурачка. Романтика закончилась через три месяца. Зойка стала скучать и каждый день писать письма матери. А теперь, плюнув на ненаписанную книжку, соболей и климат, она умчалась к матери в Москву: к трамваям, к людям, к шуму.

Борис еще долго лежал на поляне, утыканной спелыми ягодами земляники, прежде чем продолжить свой ежедневный обход вверенного ему участка леса.

Ничего не поделаешь, работа такая. Здесь, в лесу, хозяйский глаз нужен, а лесник — он первый человек.

— А я ходила и буду ходить!..

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

НАРОЧНО ПРИДУМАЕШЬ

ТОВАРИЩИ ЖИЛЬЦЫ! Дружно встретим ТАРАКАНОВ в своих квартирах 17 марта 1975 г.

(Объявление ЖЭК-12 Тимирязевского района).
Прислал Н. Олехнович, г. Москва.

Фото В. Канюкова, г. Ялуторовск.

«По решению народного суда с меня взыскали алименты. От радости моя жена прямо стала плясать перед судьями. Я оскорблен поведением жены и в наказание прошу отменить с меня взыскание алиментов».

(Из жалобы).
Прислал А. Яковлев, г. Ленинабад.

Не заглушайте телефонисток вопросами, не относящимися к их обязанностям.

(Из телефонного справочника).
Прислал С. Меньшов, г. Новосибирск.

МMП БССР
Гродненская фабрика детской игрушки и галантере
г. Гродно, ул. Лидская, 87

Автомашина Молоковоз-бензовоз (на шасси УАЗ)

Прислал Е. Борисевич, г. Гродно.

«Изготовить ресницы 1 руб. 50 коп. Наклеить ресницы на брови 20 коп».

(Из прейскуранта парикмахерской).
Прислала С. Бабанова, г. Волоколамск.

«Мы, нижеподписавшиеся под актом от 5/II, подтверждаем, что мы под ним не подписывались».

(Из объяснительной).
Прислал С. Алексейчик, г. Обь.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Виктор ПЛЕМЕЛЬ
(Югославия)

Пополам

Мы знакомы с детства. Делили тогда все пополам. Все, что имел я. У него почему-то никогда ничего своего не было.

Потом мы выросли. Наши пути разошлись. Я о нем начисто забыл.

Но однажды в передней раздался звонок. Пришел он. Походил по квартире и сказал:

— Прилично живешь. Две комнаты. Уступил бы одну.

Я уступил: что делать — друг детства.

Потом он открыл шкаф. Все разглядел и сказал:

— Приличные костюмы. Как раз два. Поделился бы.

Я разделил поровну костюмы. Потом рубашки, галстуки, туфли, белье. Он унес свою половину в свою комнату. Я молчал. Не хотелось омрачать воспоминания об отрочестве.

Пообедав, он развалился в моем любимом кресле. Закурил мою сигарету. Потом сказал:

— Приличные куришь. А что у тебя за коньяк?

Я поставил на стол бутылку армянского. И лимон. Он выпил. Обмакнул кусок лимона в сахарный песок. Пососал и спросил:

— Машина есть?

— Одна.

— М-да. Не разделишь. Будем ездить по очереди?

— Будем,— вяло откликнулся я.

Тут вернулась с работы моя жена. Я их познакомил.

— Приличная у тебя жена,— сказал он.— Фигуристая. Жаль, что одна. Впрочем...

Не помню, как и что я опустил на его голову.

Сижу второй год.

Он отделался контузией. И испугом.

Живет там, где жил я. Жена тоже.

Перевел Г. МАРКОВИЧ.

— Я первый мужчина, которого ты когда-нибудь любила?

— Конечно. Интересно, почему все мужчины задают один и тот же вопрос?

●

Молодой человек пришел к своей девушке:

— Сегодня мы проведем прекрасный вечер, дорогая. Я взял три билета в театр.

— Зачем тебе понадобилось три билета? — спросила она.

— Для папы, мамы и брата! — ответил он.

●

На вечеринке богатый папаша беседовал с группой молодых людей:

— Мои дочери будут все хорошо обеспечены, когда они выйдут замуж,— сказал он.— Анн — младшая, ей 17, получит тысячу фунтов; Филлес, ей 25, получит две тысячи фунтов, и Берилл, которой 30, получит четыре тысячи.

— Извините, сэр, — спросил один из молодых людей,— нет ли у вас еще одной лет под пятьдесят?

●

В ресторане посетитель потребовал книгу жалоб.

— Что он там написал? — спросил позднее директор ресторана у официанта.

— Он ничего не написал,— ответил официант,— просто положил туда шницель.

●

Покупатель в магазине оружия спрашивает, не могут ли ему продать револьвер.

— Какую систему вы желаете?

— Не знаю точно... Человек на пять...

●

Пациент, озабоченный своей болезнью, задает врачу вопрос:

— Скажите, доктор, вы уверены, что я выздоровлю? Я слышал, что иногда врачи ставят неправильный диагноз. Лечат, например, от воспаления легких пациентов, которые умирают потом от тифа.

— Это случай не из моей практики. Когда уж я лечу кого-нибудь от воспаления легких, он и умирает от воспаления легких.

●

— Я прощаю тебя, так как ты сделала это портретом своей мамы.

«Газетт де Лозанн», Швейцария.

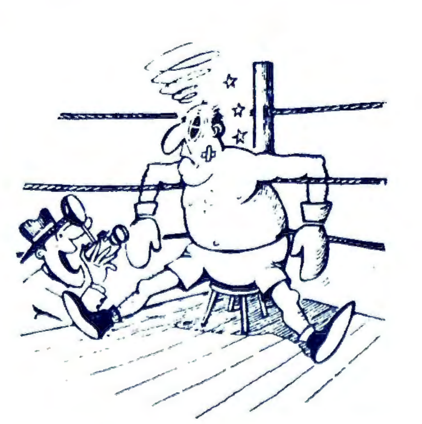
— Как я был глуп, что спас твою собаку!

«Афтенпостен», Норвегия.

— Сними свою дурацкую шапку, разве не видишь, что все пялят на нас глаза?

«Нои донне», Италия.

— Браво! Особенно мне понравилось, как спокойно ты парировал его удар левым глазом.

«Штерн», ФРГ.

Яна ЙИЛКОВА (Чехословакия)

Секунды, минуты, жизнь...

— Скорей, скорей, моя кисонька,— ворковала мама, когда кормила меня грудью.— Мне еще пеленки стирать...

— Ну, живее, малыш,— теребила она меня, когда я сидел на горшке.— Гулять пора...

— Поторапливайся, Ирко, а то в школу опоздаешь,— стояла она у меня над душой, когда я укладывал ранец.

— Дописывай быстрее, сейчас урок кончится,— сердилась моя учительница во время диктанта.

— Поднажми, парень, у нас же план горит,— подгонял меня мастер.

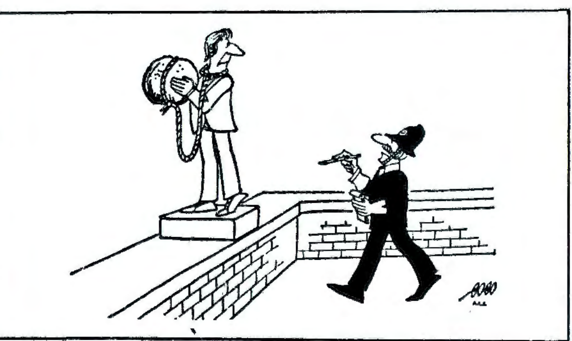
— Поспеши договориться с музыкантами, мой милый, ведь послезавтра наша свадьба,— нажимала на меня невеста.

— Ну, чего ты там возишься, отец, в кино опоздаем! — басил мой сын.

— Давай, дедушка, поскорее вноси деньги в кооператив, нам же срочно нужна квартира,— требовала невестка...

...И вот наконец я лежу на смертном одре. Домочадцы и родственники, столпившиеся у гроба, застыли в скорбном молчании. Хотел бы я знать, почему они поглядывают на часы... Впрочем, все ясно: через полчаса начинается хоккейный матч Чехословакия — Канада!

Перевела Л. ИВАНОВА.

— Вы что, ничего не слышали о загрязнении воды?

«Дейли мейл», Англия.

— Вам хорошо платят,— сказал заведующий отделом кадров новому сотруднику,— но за это мы вправе рассчитывать на вашу хорошую работу!

— Я так и знал, что здесь будет какой-нибудь подвох!

Пожилая женщина говорит врачу:

— Поразительны успехи, достигнутые медициной. Когда я была молодой, нужно было раздеваться, а сейчас достаточно показать язык.

— Когда я говорила, что хорошо бы удочерить девочку, я имела в виду маленькую!

«Афтонбладет», Швеция.

Анатоль ПОТЕМКОВСКИЙ
(Польша)

Королевская игра

Как-то зашли мы к пани Соловейчик. Пани Соловейчик играла в шахматы с поэтом Кошоном.

— Что случилось? — спросили мы.

— Ничего особенного,— ответила пани Соловейчик.— Поэт Кошон взял у меня ладью пешкой «ж».

— Игра в шахматы — интересное развлечение,— важно сказал поэт Кошон.— Недаром шахматы называют королевской игрой. Она очень полезна с общественной точки зрения.

— К сожалению, мы очень мало делаем для общества,— вставила пани Соловейчик.

— Что касается меня, то я делаю все возможное,— сказал Беспальчик.

— В шахматах каждый из партнеров имеет огромное множество возможностей,— продолжал поэт Кошон.— Шахматной стратегии посвящено много захватывающих трудов.

— Наверно,— с грустью согласился Беспальчик.

— Мы играем партию по случаю Дня Просвещения, Книги и Прессы,— объяснила пани Соловейчик.— Культурный человек должен уметь культурно развлекаться. Шахматы — развлечение культурное.

— Эйнштейн, например, играл в шахматы,— сказал поэт Кошон.

— На скрипке,— поправил Беспальчик.

— Что́ на скрипке? — не поняла пани Соловейчик.

— Эйнштейн играл на скрипке, — уточнил Беспальчик. — Играл на скрипке, только плохо.

— Вот видишь! — обрадовалась пани Соловейчик.— И мы с поэтом Кошоном тоже играем плохо. Но дело не в этом. Дело в том, чтобы развиваться интеллектуально, чтобы не стоять на месте.

Пани Соловейчик сняла с шахматной доски ладью поэта Кошона и поставила на ее место своего коня.

— Интересный вариант, — сказал поэт Кошон,— чертовски интересный. Я бью королеву пешкой «аш»!

Пани Соловейчик подперла голову руками и погрузилась в разбор положения.

— Откуда ни с того ни с сего взялась пешка «аш»? — спросила она наконец.— Не было никакой пешки!

— Была,— сказал поэт Кошон.— Все видели.

Пани Соловейчик опять впала в задумчивость.

— На что играете? — спросил Беспальчик, зевнув.

— На пол-литра,— сказал поэт Кошон вполголоса, чтобы не мешать партнерше думать.

Беспальчик оживился. Мы благоговейно склонились над доской...

Можно по-разному думать о шахматах, но есть в них что-то такое, что вызывает уважение и интерес. Поистине королевская игра...

Перевел Н. ЛАБКОВСКИЙ

КРОКОДИЛ

№ 15 (2133)
ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Вайсборд, В. Владов, Е. Милутка, В. Мохов, В. Сафонов, А. Скотаренко, Ю. Степанов, И. Сычев, Ю. Черепанов, Е. Шабельник.

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. Е. ЕФИМОВ
А. П. КРЫЛОВ
(художественный редактор)
Г. О. МАРЧИК
(ответственный секретарь)
И. М. СЕМЕНОВ
М. Г. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

Технический редактор Г. И. ОГОРОДНИКОВ.

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 6/V 1975 г. А 00840. Подписано к печати 19/V 1975 г. Формат бумаги 70×108¹/₈. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 820 000 экз. (1-й завод: 1 — 3 508 550). Изд. № 1266. Заказ № 625.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Цена номера 15 коп.
Индекс 70448

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЗНАКИ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

